

В. Н. Кухаренко. Оперативно – дипломатическая подготовка и политическое содержание визита Степана Радича в Советский Союз (февраль – август 1924 г.). / Кухаренко. В. н. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.161–176.

В. Н. КУХАРЕНКО

ОПЕРАТИВНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВИЗИТА СТЕПАНА РАДИЧА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (февраль — август 1924 г.) *

Первые в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) парламентские выборы 18 марта 1923 г. отразили усиление на политической арене Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП). Кандидатов от партии поддержали жители Хорватии, Славонии, Далмации, что дало партийным лидерам возможность именовать свою политическую организацию Хорватским народным представительством. Еще увереннее оппозиция почувствовала себя после создания 27 марта 1923 г. Федералистского блока, в который вошли ХРКП, Словенская народная партия (СНП) и Югославская мусульманская организация (ЮМО).

Положение Хорватской республиканской крестьянской партии после парламентских выборов марта 1923 г. Успех на выборах совершенно развязал руки лидеру ХРКП Степану Радичу как в управлении партией (где он пользовался непререкаемым авторитетом), так и в переговорах с представителями власти. Очень показательным в этом смысле является сообщение министра сельского хозяйства, радикала Г. Супило о его попытках от имени правительства встретиться с лидером ХРКП. Супило прибыл в Загреб по поручению лидера Радикальной партии (РП), премьер-министра Николы Пашича 29 марта (а не 9 апреля, как пишет Х. Маткович [1, s. 143—144]). Вот что он докладывал по результатам своего визита: «... Когда я пришел к Наместнику (покраинский наместник Э. Чимич. — В. К.), он позвонил Радичу и пригласил его к себе. Радич обещал, что будет в 11. В 11 мы ждали, но Радича не было, по телефону он сообщил, что занят разговором с английским журналистом и будет в 6 вечера. Вечером он снова не пришел, а прислал вместо себя Мачека и Крневича (В. Мачек, Ю. Крневич — члены руководства ХРКП. — В. К.). Они извинились за Радича, сказав, что он занят и послал их, а сам наверняка придет завтра в 11 утра... В тот день я еще встречался с Хорватом и Лорковичем (Р. Хорват — член руководства ХРКП, И. Лоркович — председатель Хорватского объединения. — В. К.)... из их разговоров я понял, что Радич действительно обладает абсолютной и деспотичной властью в партии и никто не решается с ним спорить, хотя в партии многие не довольны его политикой, а особенно интеллигенция. На следующий день в 11 Радич у Наме-

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2006—2010 гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» (ГКПНИ «История и культура»).

Кухаренко Варвара Николаевна — доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

стника не появился, чуть позже он перезвонил и сказал, что не придет... Когда Наместник просил прийти к нему, в мое отсутствие, Радич отказался, сказав, что если у него есть какие-то вопросы, то пусть придет к нему в книжную лавку. Наместник сказал, что не пойдет к нему, на что Радич ответил, что и он к нему не пойдет и что он представитель большинства хорватского народа, а если он ему нужен, пусть пришлет двух жандармов, чтобы его к нему привели. Вечером в 6 Радич позвонил Наместнику и сказал, что его партия готова вести переговоры с радикальной партией, а не с правительством. И если партия в этом заинтересована, то пусть пришлет своих двух делегатов в Загреб.» [2].

Неудивительно, что после такого начала переговоров попытка заключения соглашения между ХРКП и первой по результатам парламентских выборов сербской партией — РП закончилась неудачей и привела к еще большему обострению внутривнутриполитической ситуации. (Соглашение — «Марков протокол» было подписано 13 апреля 1923 г.).

С. Радич для выхода из кризиса решил «вынести сор из избы» и обратился за помощью к французским, английским и австрийским политикам. В историографии в качестве главного объяснения акции Радича за границей присутствует попытка познакомить зарубежных политиков и общественность с хорватским вопросом в Югославии. Однако стенограмма допросов Радича в январе — феврале 1925 г. позволяет уточнить особый аспект этой достаточно широкой проблемы. Уже перед европейским турне лидера ХРКП с подачи Н. Пашича в стране активно обсуждался вопрос о так называемой «ампутации» Хорватии. Прекрасно сознавая нежизнеспособность небольшой хорватской территории, лидер радикалов был уверен, что спустя немного времени хорватские политики на коленях приползут к сербам

и будут умолять снова принять их в Югославское государство. Именно это обстоятельство, как подчеркивал сам С. Радич, вынудило его проинформировать великие державы о возможности «ампутации» [3, с. 879—880]. Тем не менее европейское турне лидера ХРКП не принесло никаких видимых результатов и вынудило искать другие методы решения проблем.

Внешнеполитический вектор ХРКП не был постоянным, а задавался перспективами сотрудничества с тем или иным государством, направленного против сербской гегемонии. До начала 1924 г. Радич безапелляционно осуждал политику СССР и со всей преданностью и доброжелательностью относился к западным державам. Одной из главных ошибок Москвы, по мнению Радича, было повышенное внимание к интересам рабочих в ущерб решению проблем советского крестьянства. Кроме того, лидер ХРКП, как сторонник парламентских методов борьбы [4, с. 246], негативно относился к Октябрьской революции. В интервью корреспонденту австрийской газеты «Рейхпост» он говорил, что «...коммунизм и социализм (особенно в России) разрушают всякую государственность и являются чрезвычайно опасными для крестьянства» [5, с. 184]. Себя же Радич считал «громоотводом» коммунизма, что часто любил повторять на официальных встречах и приемах [6, л. 58]. Но, несмотря на это, по словам полпреда СССР в Австрии М. В. Левицкого, ХРКП, как и все югославские оппозиционные партии, стояла за возобновление дипломатических отношений с Советским Союзом. Вместе с тем первый секретарь полпредства СССР в Австрии Д. В. Богомолов в начале января 1924 г. докладывал наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, что лидер ХРКП отрицательно относится к возможности какого-либо контакта с советскими дипломатами [5, с. 184]. Ошибочно мнение сербского историка Н. Жутича (основанное лишь на воспоминаниях одного белого эмигранта) о том, что лидер ХРКП уже с конца 1923 г. начал искать контакта с советскими дипломатами и деятелями Коминтерна [7, с. 269]. В это время Радич все еще рассчитывал на поддержку Вены и даже пропагандировал идею хозяйственного объединения КСХС с Австрией в составе Дунайской федерации. Кроме того, в середине ноября 1923 г. он в очередной раз пытался достичь соглашения с Белградом. Предварительные условия, выдвигаемые хорватской стороной, были достаточно жесткими. Кроме возврата к условиям «Маркова протокола» появились и новые требования. Например, признание хорватской нации (в

рамках Хорватии, Славонии и Далмации) и, по сути, предоставление автономии Хорватии под управлением своего Сабора и бана. Причем Радич настаивал на заключении договора до 2 февраля 1924 г. [2] Доступные документы не позволяют мотивировать эту дату, но именно к началу февраля относятся первые контакты лидера ХРКП с советскими дипломатами.

Потерпев полный крах своих расчетов на поддержку Запада, Радич оказался перед необходимостью поиска нового союзника, результатом чего явился поворот внешней политики партии лицом к Советскому Союзу. Этот вариант был последней надеждой Радича на поддержку извне. В то же время он попытался разыграть очередную политическую комбинацию внутри КСХС, отправив своего заместителя В. Мачека на родину для поиска компромиссного соглашения со второй по значимости сербской партией — Демократической партией (ДП) Л. Давидовича, а сам обратил взгляд на Москву [8, с. 145—146; 9, с. 82].

Весной 1924 г. депутаты от ХРКП решили отменить свой бойкот Скупщины, чтобы усилить оппозицию радикалам и не допустить ратификации «Римских соглашений» с Италией от 27 января 1924 г. [5, с. 217]. По ним Италия получала право на Риеку (Фиуме), которая по Рапалльскому договору с Италией 1920 г. являлась свободной территорией, что стало для Хорватии тяжелым ударом. Еще до подписания соглашений Радич выступил в венских газетах с разъяснением своей позиции. Он заявил, что со стороны Италии были намеки о поддержке хорватского движения в случае борьбы за независимость. Если же ХРКП придет к соглашению с Белградом, Б. Муссолини станет на сторону Сербии. Партия Радича оказалась в сложном положении, так как со стороны Англии поступали противоположные предложения. Все английские партии обещали поддержать ХРКП в ее попытках договориться с Белградом и сохранить целостную Югославию. В противном случае Англия собиралась теоретически признать право хорватского народа на самоопределение, но, ни в коем случае, не способствовать развитию национально-освободительного движения [10, л. 14—15].

Кроме борьбы против ратификации договора с Италией, ХРКП надеялась на роспуск парламента и объявление новых выборов, которые были воплощением желаний как правого, так и левого крыла, имевшихся в партии [11, л. 30—31]. Прямым следствием формирования в марте 1924 г. Оппозиционного блока (коалиция ХРКП, СНП, ЮМО и ДП) стало окончательное оформление раскола внутри ДП. Из нее вышел С. Прибичевич, образовавший Независимую демократическую партию (НДП). Хотя Л. Давидович пытался сохранить за своей частью ДП репутацию «колыбели» партии, раскол нанес ей серьезный ущерб [12, с. 360, 362].

Приход хорватских депутатов в парламент встретило сопротивление властей — их мандаты отказывались верифицировать. В конфликт вмешалась Великобритания. Английский посол в Белграде указал правительству КСХС на то, что Радичу в Лондоне рекомендовали использовать для достижения своих целей легальные методы. Подобное поведение югославского правительства «развяжет руки Англии, и она другим языком будет говорить с Радичем» [13, л. 8]. После этих угроз 17 марта первые 20 мандатов были верифицированы.

Как будто в подтверждение слов посла, хорватские депутаты всем своим поведением стремились доказать, что они не являются антигосударственным элементом и противниками короля Александра Карагеоргиевича, готовы признать Видовданскую конституцию 1921 г., оставляя за собой право подвергнуть ее легальному пересмотру в будущем [13, л. 10]. Такое резкое изменение партийной тактики заставило короля задуматься об искренности этих перемен. В противном случае Оппозиционный блок должен был получить мандат на формирование своего правительства. Такая перспектива не радовала правящую коалицию, которая всеми средствами стремилась доказать королю антигосударственную деятельность оппозиции. Н. Пашич, желая затормозить процесс верификации мандатов, подал в отставку, чем вызвал паузу в работе Скупщины [11, л. 7, 25]. Однако 27 мая все переданные на верификацию депутатские мандаты ХРКП, наконец, были утверждены, но Скупщина вопреки ожиданиям не была распущена. В тот же день король отправил ее на досрочные каникулы до 20 октября 1924 г.

[14, с. 376; 15, с. 94]. Даже не добившись проведения новых выборов, ХРКП продемонстрировала свое влияние на внутреннюю ситуацию в государстве. Все понимали, что Пашич увидел в этой партии реальную политическую силу, которая прервала бойкот парламента и намерена сражаться за власть, а также за решение хорватского вопроса, пусть пока только парламентскими методами. Наиболее опытные югославские политики еще до весны 1924 г. начали осознавать, что С. Радич не только не безумен в своих поворотах, но даже, напротив, является дальновидным политиком. Так, Л. Давидович, уже неоднократно сталкивавшийся с хорватским лидером, 24 февраля писал министру иностранных дел, радикалу М. Нинчичу: «...думаю, что неправильно и опасно соглашаться с мнением., которое о нем обычно имеют, что это человек без компаса, неотесанный демагог и обыкновенный политический шарлатан... У меня есть достаточно оснований и доказательств, из которых можно сделать совершенно естественное заключение, что Радич не политический шарлатан. Он ослаблял вначале демократов. А теперь, "разочаровавшись" в радикалах, заявляет, что с Прибичевичем можно сотрудничать, что он честный человек. Теперь он работает над ослаблением радикалов» [16].

Смена внешнеполитического курса ХРКП и зондаж позиций С. Радича в советском полпредстве в Австрии. Москва особенно заинтересовалась деятельностью ХРКП после ее успеха на мартовских выборах 1923 г. Уже летом советские дипломаты пытались завязать отношения с Радичем и добиться от него положительной декларации об отношении к СССР. Левицкий 25 августа 1923 г. писал Чичерину, что в югославских правительственных кругах появились опасения на счет возможной поддержки Радича со стороны Москвы [17, л. 4]. СССР в это время не имел дипломатических отношений с КСХС, и для него крайне важным было заручиться поддержкой одной из самых влиятельных югославских партий. Отношения с ХРКП (при условии реального участия этой партии в политической жизни КСХС) могли помочь Советскому Союзу установить дипломатические отношения с этим балканским государством. ХРКП была интересна и своими контактами с зарубежными партиями. С другой стороны, КСХС рассматривалась как возможный оплот внутренней революции [18, с. 360]. Представитель итальянской компартии в ИККИ А. Грамши, который встречался с хорватским лидером в Вене, был убежден, что хорваты являются ключом к ситуации в Югославии и более пригодны для революции, чем Компартия Югославии (КПЮ) [19, р. 20].

В ноябре 1923 г. в Москве состоялась VI конференция Балканской коммунистической федерации (БКФ). Ее резолюция по национальному вопросу явилась поворотным пунктом в отношении большевиков к этой проблеме. Они признали важность использования национальных проблем для развития революционной борьбы. Резолюция призывала компартии на местах поддерживать национальную буржуазию, если ее цели совпадают с целями массового национального движения [5, с. 159—160]. Однако уже в этот период советская сторона знала о политической неустойчивости С. Радича, чьи симпатии и воззрения постоянно менялись. Полпред СССР в Чехословакии К. К. Юренев в декабре 1923 г. в докладе заместителю наркома НКВД М. М. Литвинову называл лидера ХРКП «большим импрессионистом» и говорил, что «шатания» Радича общеизвестны и порой прямо неприличны [20, л. 83—85].

Первые попытки установления контакта с Радичем для советских дипломатов были бесплодны. Однако 7 февраля 1924 г. хорватский политик, наконец, встретился с Э. С. Гольден-штейном, который,

будучи сотрудником полпредства СССР в Австрии, одновременно работал и на Иностраннный отдел Главного политического управления (ИНО ГПУ). Уже на первой встрече Радич назвал Советскую Россию «единственной страной, которая искренне желала бы поддержать стремление хорватов к свободе». Если раньше внимание к ХРКП со стороны Москвы мало интересовало Радича, то с начала февраля 1924 г. ситуация изменилась. Теперь ХРКП сама заявляла о лояльности к СССР и искала установления с ним довольно тесных связей. Советские дипломаты понимали, что Радича теперь важно не отпугнуть, а заинтересовать расплывчатыми обещаниями и приятным обращением. Они старались познакомиться

его с возможностью моральной и дипломатической поддержки, но в то же время не обещали Радичу ничего конкретного. Состоялось несколько встреч не только с Гольденштейном, но и с другими сотрудниками советского представительства в Вене. Радич был приятно удивлен таким подчеркнутым вниманием к своей персоне. А вот Гольденштейн был не самого высокого мнения о лидере ХРКП. В агентурном донесении он писал, что Радич произвел на него впечатление человека ограниченного, провинциального, без размаха [5, с. 216, 218].

В одном из разговоров в полпредстве С. Радич заявил о своем намерении посетить СССР для непосредственного знакомства с советским образом жизни, хотя советские деятели, постоянно пытались внушить ему необходимость подготовки восстания [21, с. 3]. Первоначально Радич не сообщал о намерении заключать какие-либо договоры во время возможной поездки. Как справедливо полагал британский историк и политик Х. Сетон-Уотсон, Радича мало интересовали планы коммунистов. Своим визитом в СССР он лишь хотел принести Белграду черную весть о появлении новых сторонников хорватского движения [22, с. 223].

После верификации парламентских мандатов ХРКП Москва осознала реальную силу этой партии. Хотя до советских политиков все еще доходили сведения, что лидер ХРКП является «последовательным врагом коммунизма», они пришли к выводу, что «Радич как ныне, так и завтра будет господином положения в стране и когда захочет — он сможет создавать кризис», а потому стоит закрепить с ним наладившиеся отношения. Кроме этого, советские информаторы считали, что возвращение хорватских депутатов в Скупщину должно удовлетворить интересы правого крыла партии, заинтересованного в расширении контактов с сербскими буржуазными кругами. После осуществления же своих планов это крыло якобы потеряет интерес к членству в ХРКП, что вызовет раскол в партии. Радич в свете этих представлений должен был остаться с неудовлетворенным левым крылом, которому никто больше не помешает стать на путь революционной борьбы. К тому же раскол партии неизбежно вызовет ее организационное ослабление, при котором станет возможным сильное влияние СССР, ныне парализуемое правым крылом партии [11, л. 31-б, 37, 90—91].

Вместе с тем секретарь Президиума БКФ Г. Димитров, видимо, был не слишком высокого мнения о политической силе ХРКП, как, впрочем, и любой другой югославской партии. Выступая в апреле 1924 г. на заседаниях комиссии БКФ по югославским вопросам, он отмечал, что ни Пашич с Прибичевичем, ни Радич в союзе с оппозиционными партиями не в состоянии решить внутривнутриполитический кризис. По мнению Димитрова, упрямо повторявшего марксистские догмы, «решить национальную проблему возможно только путем революционной борьбы рабочих масс и путем установления власти рабочих и крестьян, которая реализует право национального самоопределения для всех народов Югославии и их добровольный союз в одной общей федерации» [23, л. 10, 23]. Как показало развитие событий на протяжении XX в., Димитров был прав в первой части своих выводов, но совершенно заблуждался во второй. Мнение Димитрова на заседании комиссии БКФ не было поддержано большинством. После взаимных реверансов стороны перешли к конкретным действиям.

Из дневниковых записей и донесений советских дипломатов видно, что Радич даже в середине мая не был уверен в необходимости поездки в СССР, все еще имея надежды на французскую поддержку. Он всячески избегал серьезных разговоров и для этого даже приводил с собой на встречи в советское представительство дочь и зятя, чем превращал деловой разговор в светскую беседу [24, л. 23—24]. Разумеется, укрепление отношений с партией Радича не могло произойти через заключение договора Советского Союза с ХРКП, нельзя было оформить вступление этой партии, как некоммунистической, и в Коминтерн. Но была еще одна международная просоветская организация — Крестьянский Интернационал (Кре-стинтерн). К участию в ней и решено было пригласить ХРКП.

Радич узнал о существовании Крестинтерна лишь в мае 1924 г., когда получил письмо от заместителя генсекретаря Томаша Домбаля и оргсекретаря Юзефа Красного, содержавшее

предложение присоединиться к международной крестьянской организации [25, л. 149; 26, s. 149—150]. 20 мая Радич написал ответ, в котором сообщил о своем намерении приехать в Москву «учиться всему тому, что там уже испробовано, и поговорить о том, как бы нам вместе или, по крайней мере, параллельно работать на Балканах и в подунайской Европе». Вопреки распространенному мнению, в этом письме Радич отнюдь не давал еще своего принципиального согласия на вступление ХРКП в организацию [27, л. 26]. В СССР же уже 24 мая утверждали, что Радич готов вступить в Крестинтерн от имени хорватского народа [28, с. 2].

Руководство Крестинтерна было подключено к работе с Радичем в Вене лишь после его обработки резидентом советской внешней разведки М. А. Логановским (в то время секретарем полпредства СССР в Австрии). 28 мая 1924 г. в своем письме Т. Домбалу он писал, что «обхаживает Радича» с целью втянуть его в круг советского влияния уже около четырех месяцев. Логановский сообщал, что его работа с Радичем продвинулась и он сумел, наконец, уговорить последнего отправиться в Советский Союз, куда тот и выезжает на следующий день (29 мая 1924 г.). Разведчик-дипломат просил Домбала «подключиться» к работе с Радичем во время его визита в Москву, так как, несмотря на «малую революционность хорватского политика, при непрерывной обработке втянуть его в Крестинтерн не составит большой трудности». По всем вопросам, касающимся Радича, Логановский просил Домбала поддерживать постоянный контакт с начальником ИНО ГПУ М. А. Трилиссером, у которого «концентрируется» это дело, а также с В. Г. Чичериным [29, л. 2—3].

Многие советские дипломаты крайне скептически относились к предстоящему визиту Радича в Советский Союз, так как практически не видели предпосылок к радикализации хорватского крестьянского движения. Новый советский полпред в Австрии В. Х. Ауссем в докладе Литвинову писал о том, что предстоит еще длительный период оформления в хорватской крестьянской среде активного течения с выдвиганием вождей. Пока же хорватское крестьянское движение «выше мелкодемократической и, в сущности, лояльно-конституционной идеологии не поднялось и даже республиканство его представляется весьма сомнительным». Относительно Радича Ауссем высказывал надежду, что, возможно, «прикосновение к Московской земле, не раз уже творившее чудеса, сотворит его и на этот раз». После этого станет понятно, являлся ли лидер ХРКП «тормозом» для развития крестьянского движения, тогда его прогресс будет воспринят положительно, или же он являлся «его правильным отражением и окажется оторванным от масс, уйдя слишком вперед» [24, л. 3].

Начало визита С. Радича в СССР и его резонанс на родине. Роспуск Скупщины на каникулы до 20 октября 1924 г. убедил Радича в том, что можно использовать эту паузу для поездки в СССР [26, с. 10]. Причем сам он позже, на допросе 23 января 1925 г. по уголовному делу против его партии, утверждал, что приглашение он получил не только от Крестинтерна, но и от Чичерина [3, с. 848—849, 866]. 29 мая Радич выехал в Москву на автомобиле, предоставленном советским полпредством, а затем пересел на поезд [15, с. 41]. 1 июня в Риге произошла вынужденная задержка на сутки, чему путешественники, как писал Радич жене, обрадовались, будучи уже очень уставшими от дороги и таможенных контролей [30, с. 583]. Югославский МИД имел о планах Радича противоречивые сведения. Министр иностранных дел М. Нинчич в телеграмме югославскому послу в Берлине Балугжичу от 30 мая просил обратить внимание на вояж Радича. Министр просил посла узнать, «существует ли нечто серьезное между советским правительством и Радичем и пригласило ли советское правительство его в Москву или же Радич едет как гость Крестьянского Интернационала» [13, л. 61]. Позже, после возвращения на родину, Радич заявлял, что не общался в Москве ни с одним функционером компартии и не посещал ни одной из коммунистических организаций. Круг общения, по его словам, состоял из людей НКИДа и Крестинтерна [31, с. 147; 3, с. 849].

2 июня 1924 г. С. Радич, его сын Владимир и зять А. Кошутич прибыли в Москву. Приемом гостей занимался НКИД, который оплачивал все расходы. Интересно, что наркомат хотел

переложить часть расходов на ИНО ОГПУ, но Трилиссер категорически отверг это предложение [32, с. 15]. В программе пребывания Радича было учтено все: и тщательная организация приемов, и использование симпатии Радича к ряду советских и зарубежных политиков, и просьба Чичерина к редакции «Известий» называть лидера ХРКП «представителем хорватского народа» [32, с. 90]. Было дано два праздничных обеда — в честь приезда (8 июня) и отъезда (3 августа) хорватской делегации. Кроме того, 11 июня был торжественно отпразднован и 53-й день рождения лидера ХРКП [26, с. 13]. Кстати, об этом сам политик во время допроса в январе 1925 г. скромно умолчал [3, с. 849]. Радичу были в радость многочисленные поездки, организованные для знакомства с советским образом жизни. В Сокольниках он осматривал опытную биостанцию. В Коломенском встречался с учителями и воспитанниками летней школы-колонии, где был принят в почетные пионеры [33, с. 5].

Уже 4 июня Радич на протяжении трех часов говорил с Г. В. Чичериным, а 5 июня ему предстояла встреча с Т. Домбалем. В первые дни своего пребывания в Москве лидер ХРКП встречался с генеральным секретарем Крестинтерна, наркомом земледелия А. П. Смирновым, с председателем ЦИК СССР М. И. Калининым. Кроме встреч с советскими функционерами, Радич много времени проводил с крестьянами, выезжая в окрестные деревни, и практически каждый день посещал Крестьянский дом в Москве [26, с. 10—11].

Все говорило о заинтересованности советской стороны в прочных связях с ХРКП. Кроме прежних к тому причин, летом 1924 г. появилась и новая. 11 июля правительство Пашича-Прибичевича запретило деятельность Независимой рабочей партии Югославии (НРПЮ), Независимых профсоюзов и Союза рабочей молодежи. После этого легальная просоветская деятельность в стране была практически остановлена, и СССР нуждался в новых проводниках своей «подпольной» политики. Одним из таких потенциальных союзников считали С. Радича. Делая ставку на этого политика, в СССР понимали, что его новая линия на союз с Крестинтерном не будет поддержана всей его партией и вызовет ее раскол. Но, зная, что в ХРКП личность Степана Радича защищена почти непререкаемым авторитетом, Чичерин и другие дипломаты решили опереться именно на него, а не на других лидеров партии.

Приезд Радича в Москву вызвал широкий резонанс на родине. Прибичевич требовал роспуска ХРКП по Закону о защите государства от 2 августа 1921 г., объявившего Компартию Югославии (КПЮ) вне закона. Вначале и Пашич не был чужд этой мысли, но спустя некоторое время стал противиться этому шагу [11, л. 103]. Такая перемена была вызвана двумя причинами. Во-первых, лидер радикалов, как и сам король, понимал, что запрещение партии вызовет потрясение в хорватском обществе. Во-вторых, Пашич полагал, что столь авантюрный ход Радича, как связь с коммунистами, не будет одобрен всеми членами партии, а потому ожидал раскола ХРКП и привлечения на свою сторону части ее членов. А вот независимые демократы не могли смириться с тем, что теряют статус представителя Хорватии. Сам же Прибичевич считался «экспертом» по хорватским вопросам и не желал утратить свой авторитет из-за изменившегося положения Радича [34, с. 154].

Руководство оппозиционных партий собралось 14 июня для вынесения решения по оценке визита Радича. Лидер демократов Давидович заявил, что Оппозиционный блок снимает с себя всякую ответственность за эту поездку в Москву, так как она предпринята без согласования с руководством блока [35, с. 4]. Вместе с тем блок не принимал свои решения в ультимативной для ХРКП форме. Конференция проходила в Загребе, на ней присутствовали члены партии Радича [12, с. 382—383]. Все происходившее носило характер рекомендаций со стороны коллег по коалиции.

21 июня Чичерин сообщал Трилиссеру, что в Белграде царит беспокойство по поводу визита Радича якобы в результате письменного приглашения. Чичерин уточнял, что он «письменного приглашения, без сомнения, Радичу не посылал, но уже не помнит, в какой форме и от кого было передано лидеру ХРКП устное приглашение» [24, л. 128].

Во время пребывания в Москве С. Радич написал для печатного органа ХРКП «Свободный дом» цикл статей, посвященных СССР [36, с. 250]. Однако далеко не все они смогли дойти до хорватских читателей. Специальный выпуск газеты, где описывался прием, устроенный лидеру партии в Москве, а также давалась характеристика положения советского крестьянства, был конфискован [37, с. 5]. Зато в Королевстве СХС многие говорили о тяжелой болезни Радича в Москве [38]. В эмигрантских кругах даже распускались слухи о его убийстве в Москве [39, с. 1]. Пошли разговоры о якобы предстоящем роспуске ХРКП, столкновениях между армией и населением в Хорватии и Славонии, даже об объявлении в КСХС диктатуры. МИД страны в целях опровержения этих домыслов выпустил циркуляр, в котором сообщалось о «непричастности югославского правительства к изъяслениям отдельных политических деятелей», а также публикациям некоторых газет [13, л. 58—59].

Организация, цели и структура Крестьянского Интернационала. Как уже отмечалось, контакт с Радичем планировалось закрепить вступлением его партии в Крестинтерн. Что же представляла собой эта организация? Крестьянский Интернационал, или Международный крестьянский совет (МКС), был создан на международном конгрессе представителей крестьянства (Москва, 10—16 октября 1923 г.). В организационном отношении Крестинтерн состоял из 52 избранных на конгрессе членов, а также кооптированных членов, представлявших примкнувшие впоследствии организации. Постоянным органом являлся Президиум во главе с генеральным секретарем. Предполагалось, что президиум будет пополняться представителями «важнейших земледельческих стран», которые войдут в организацию. В 1923—1928 гг. пост генсека занимал А. П. Смирнов. При Генсекретариате было учреждено Международное крестьянское информационное бюро с задачей сбора информации о положении крестьянства и поддержания постоянной связи с членами МКС [40, л. 110—111].

Главной декларируемой задачей Крестинтерна была защита интересов крестьянства. МКС должен был играть « роль собирателя революционных крестьянских масс для осуществления крестьянско-рабочего блока в мировом масштабе» [41, с. 172—173], стать органом, объединяющим разные крестьянские движения в единое целое и координирующим их [42, с. 65]. Это было то, что печаталось в общедоступных для широкой публики изданиях. А вот реальные черты МКС, предстающие перед исследователем архивных документов: « основное ядро боевой армии противокапиталистической борьбы должен составлять всегда пролетариат, и именно, пролетариат, стоящий под руководством коммунистической партии, — крестьянство же может составлять только вспомогательные группы последнего. Этот факт предопределяет соотношение между МКС и Коммунистическим Интернационалом, а именно, МКС всегда подчиняется главному штабу основной армии — Исполкому Коммунистического Интернационала». И еще: «...Крестьянский Интернационал является формально беспартийной международной крестьянской организацией, по существу же должен быть и оставаться вспомогательным учреждением Коминтерна для работы среди крестьян...» (подчеркнуто в документе. — В. К.) [43, л. 6, 26]. Об этом же, но в более мягкой форме пишет Л. Ревякина, также анализировавшая архивные документы: «Крестинтерн, будучи официально беспартийной организацией, должен был установить организационные связи с крестьянскими политическими, экономическими и другими организациями, а затем через создание в них комфракций и левых групп привлечь крестьянство на свою сторону — в поддержку рабочего движения в борьбе за установление диктатуры пролетариата» [44, с. 99].

Казалось бы, коммунисты создали серьезную структуру для работы с крестьянами всего мира. Но это оказалось не так. Иллюстративным является письмо Т Домбаля генсеку ИККИ В. Коларову от 31 января 1924 г. «...Я занялся организацией Секретариата МКС, на что, надо сказать, не получил никаких материальных средств...наконец, в последних числах ноября, после усиленных стараний, нам выдали в счет сметы 150 червонцев, из которых 50 — мы послали товарищу Рау для создания крестьянского еженедельника в Германии и на первые

организационные расходы «Средне-Европейского Бюро МКС в Берлине», а остальной суммой мы покрываем все наши расходы до сего времени...Я должен заметить, что весь наш аппарат состоит, кроме меня, из одного работника и одной машинистки и рассылка писем была чрезвычайно осложнена тем обстоятельством, что мы заграничные письма должны посылать через Прессбюро Коминтерна, т. к. не имеем своих переводчиков и машинисток на иностранных языках. Мы работаем по 14—18 часов в сутки, почти без ничьей помощи. Ибо тов. Смирнов перегружен огромной работой в Наркомземе, ЦК Партии., а обещанный технический секретарь Устинов, который должен был все организовать, до сего времени не приехал, и по необходимости я проделал за него основную работу» [45, л. 6, 8].

Этот документ открывает глаза на истинное положение дел в МКС. Первые шаги этой организации являются целиком и полностью заслугой Т. Домбаля, который работал на чистом энтузиазме. В дальнейшем этому человеку еще не раз приходилось пробиваться через стену непонимания при решении проблем Крестинтерна. Поэтому сложно согласиться с английским историком Дж. Джексоном, который пишет, что в 1923—1926 гг. в СССР и Коминтерне крестьяне и их организации находились в центре внимания [46, р. 79—80]. На пути развития Крестинтерна стояли не только организационные проблемы, первое время он являлся лишь виртуальным центром. К лету 1924 г. в него еще не вступила ни одна реальная партия. В Крестинтерн входили лишь отдельные представители крестьянства некоторых государств. Поэтому перспектива вступления в ряды МКС первой партии, тем более такой могущественной, как ХРКП, была не просто заманчивой — она спасала лицо Крестинтерна.

Мотивация и процедура вступления ХРКП в Крестинтерн. 11 июня Томаш Домбаль и Михаил Горюх от имени Президиума и Генерального секретариата МКС сообщили Радичу, что нет никаких препятствий для вступления ХРКП в Крестинтерн [47, л. 17]. Несмотря на выгоду для МКС вступления в его ряды ХРКП, условия вхождения этой партии вызвали горячую дискуссию. Обсуждение условий происходило 13 июня на заседании Генсекретариата МКС. Выявились две точки зрения. По одной соглашение с Радичем должно было заключаться на классовой основе, что подразумевало отказ ХРКП от сотрудничества с мелкобуржуазными и буржуазными партиями. Кроме того, в Москве знали, что отношения между руководством КПЮ и ХРКП ухудшились после заявления С. Радича, что его партия является представителем интересов всего хорватского народа, а коммунисты не должны вмешиваться в дела Хорватии и действовать лишь на сербской территории [48, с. 187]. Другую точку зрения на заседании выражал А. П. Смирнов, который считал, что от ХРКП не стоит требовать больше, чем она может дать. Он говорил, что для вступления хорватской партии в Крестинтерн достаточно заявления С. Радича. Эта точка зрения и победила на заседании.

Заместитель заведующего Отделом балканских стран НКВД СССР (1923—1925) Г. Б. Сандомирский (который был приставлен к Радичу во время его пребывания в Москве) писал, что идеология ХРКП настолько противоположна принципам «Коммунистического манифеста», что никакое коммунистическое издание «не смогло бы взять ответственность за взгляды, защищаемые Радичем и его друзьями в их статьях». Вместе с тем, «исходя из совершенно чуждых...», проникнутых примитивным идеализмом, еще не освободившихся от религиозного влияния положений, Радич и радичевцы приходят — в практической части своей программы — к сходным с нашими требованиями. Вся деятельность Радича и его сторонников изобличает в них самых подлинных революционеров» [24, л. 32—33]. Вслед за Сандомирским, Смирновым и Домбалем многие тогда поверили в такую версию, которая диагностировала в радичевцах пристрастие к коммунистическим идеалам, о котором, правда, и сами они пока не догадываются. Пропаганда в пользу вступления ХРКП в Крестинтерн велась «на всех фронтах». Председатель ИККИ (в 1919—1926 гг.) Г. Е. Зиновьев, выступая в Ленинграде перед рабочими, говорил, что Ленин чрезвычайно интересовался ходом Международной крестьянской конференции и придавал ей большое политическое значение. По мнению Зиновьева,

вступление партии Радича в Крестинтерн лишней раз подтверждает ленинскую интуицию [46, р. 108—109]. Но достаточно было и несогласных со вступлением хорватской партии в МКС. Например, «роман» с Радичем не одобрял член Политбюро ЦК РКП(б) Л. Д. Троцкий [49, с. 679], считая его «костылями» для ультралевого курса [50, с. 29].

27 июня С. Радич передал в МКС свое заявление от имени ХРКП о вступлении в Кресин-терн, в котором подчеркивалось, что ХРКП останется верна своей программе и тактике (т. е. легальным методам политической борьбы). Но далее все же допускалась возможность революции при исчерпании всех мирных методов. Целью партии провозглашалось создание на базе КСХС федеративной крестьянской республики, которая со временем должна стать частью Адриатическо-Дунайской федерации всех крестьянских народов региона. Особое место в заявлении Радича занимало требование, которое он неоднократно выставлял Крестинтерну — неприемлемость присутствия в МКС представителя КСХС. Этого государства, по мнению политика, не существовало, а под его маской скрывалась Великая Сербия. Радич считал, что в случае многонациональных государств, где существует неравноправие народов, в Крестинтерн могут входить только представители от народов, а не от государства в целом [32, с. 32—33]. В случае невыполнения этого требования Радич угрожал ограничиться лишь формальным участием в МКС, не посылая туда своего представителя.

Интересно, что стороны совпадали в понимании процесса вступления партии в Крестин-терн. Радич полагал, что в него вступает ХРКП, но через нее, являющуюся Хорватским народным представительством, в МКС вступает весь хорватский народ. Такой ход мыслей лежал полностью в русле советского восприятия действительности, для которого были характерны подмена понятий, взаимозаменяемость дефиниций. Даже само понятие Крестинтерн являлось синонимом понятия Международный крестьянский совет. Поэтому коммунистические деятели с легкостью восприняли синонимичность понятий ХРКП и Хорватское народное представительство. Проникнуться же идеей того, что обе эти структуры объединяет в себе один политик — Радич, было для них, похоже, еще проще.

А. П. Смирнов только 30 июня послал В. Коларову и члену Президиума ИККИ Д. З. Мануильскому записку с информацией о получении письма от С. Радича «о его вступлении в Интернационал» [51, л. 145]. В этот же день и лидеру ХРКП пришла записка из Крестинтерна следующего содержания: «Уважаемый друг, генеральный секретарь просит Вас присутствовать 1 июля 1924 г. в 6 часов после обеда на заседании Президиума Международного Крестьянского Союза вместе с товарищем Кошутичем. На повестку дня поставлено окончательное вступление ХРКП в Международный крестьянский союз» [2; 26, с. 156]. 1 июля Президиум Крестинтерна рассмотрел заявление и принял ХРКП в свои члены. Было выполнено и требование С. Радича о невозможности присутствия в МКС представителя от крестьянства всего КСХС [52, с. 133]. Вступление ХРКП в Крестинтерн было выдающимся событием для этой организации, которая со дня своего основания находилась в политической коме. Развернувшиеся события могли стать импульсом для начала ее реальной деятельности. Правда, вскоре деятели Крестинтерна стали забывать, что вступлением ХРКП в их организацию они обязаны исключительно Коминтерну и советским дипломатам. Они даже сформулировали мнение, что присоединение ХРКП к Крестинтерну произошло благодаря росту популярности МКС среди крестьян [43, л. 136].

Вступление ХРКП в МКС, как и сам визит С. Радича в Москву, стало ярким событием также и для советской дипломатии. Чичерин полагал, что именно этот визит послужил причиной мягкого выступления в адрес СССР югославской делегации на Пражской сессии Малой Антанты в июле 1924 г.

Однако существовало и другое мнение, высказанное М. М. Литвиновым: установление отношений с Радичем и ХРКП помешало советской дипломатии в решении ее задач на Балканах и превратило Н. Пашича во врага СССР. Вместе с тем даже сам Чичерин, будучи горячим сторонником приезда Радича в Москву, отнюдь не собирался

делать конкретных заявлений в поддержку хорватов. В своем письме М. А. Трилиссеру он подчеркивал, что перед советской стороной «стоит вопрос об удельном весе Пашича, с одной стороны, и Радича, с другой стороны, и о том, как дозировать или как нюансировать нашу политику по отношению к обоим» [32, с. 90, 104].

Источники однозначно фиксируют желание коммунистических деятелей использовать ХРКП в своих целях, а после этого забыть о ней как о союзнике. На заседании VII Балканской коммунистической конференции в июле 1924 г. В. Коларов абсолютно ясно, цинично и с долей раздражения, которая чувствуется даже в официальном документе, объясняет невозможность принятия конференцией резолюции по аграрному вопросу. Он вопрошает: «Разве вы считаете, что наша конференция может совершенно открыто высказать наше отношение к партии Радича. Наша цель разложить и уничтожить партию Радича, но мы этого в резолюции не напишем по очень понятным соображениям» [53, с. 12—13].

Рассмотрев позицию советской стороны, необходимо подробнее остановиться и на требованиях С. Радича, которые он выдвигал в Москве. Они подробно изложены в записке Чичерина своему заместителю по наркомату Х. Г. Раковскому. Лейтмотивом была просьба Радича об участии советской дипломатии в решении хорватского вопроса. Это же было главным для Радича и во время его турне по западноевропейским столицам. Глава ХРКП не был согласен с требованиями СССР в Лозанне для Югославии, т. е. с ее федерализацией и последующим созданием Балканско-Дунайской федерации. Радич был сторонником создания Адриати-ческо-Дунайской федерации. Первым этапом этого проекта он считал обретение Хорватией полной независимости. Себя же и свою партию после выборов 1923 г. считал Хорватским народным представительством, которое в перспективе и должно будет решить судьбу Хорватии. Вторым этапом проекта Радич считал создание Адриатической федерации в составе Хорватии, Боснии, Черногории, Далмации, Албании и Македонии. Третьим этапом явилось бы присоединение к этому союзу дунайских государств. Пока же стоял вопрос лишь о реализации первого этапа — обретении Хорватией независимости.

Радич видел четыре варианта советской поддержки, которые являлись воплощением одного и того же тезиса: 1) признать хорватский народ в виде его народного представительства как самостоятельный фактор международного права; 2) заявить, что СССР не может признать КСХС по той причине, что основа и политика этого государства идут вразрез с политикой Советского Союза; 3) на ближайшей международной конференции СССР признает независимость Хорватии либо равноправие Хорватии с Сербией; 4) СССР признает чрезвычайную важность хорватского народа и требует признания этой политической силы [32, с. 49]. Интересно, что Радич беспардонно лгал на допросе 24 января 1925 г. относительно своего отношения к установлению дипломатических отношений между СССР и КСХС. Он заявлял, что именно из-за задержки с установлением дипломатических отношений после его возвращения из Советского Союза он не стал посылать в Крестинтерн своего представителя и даже прекратил все контакты с этой организацией [3, с. 852]. Впрочем точно также он лгал на этот счет и в своих многочисленных статьях и интервью, заявляя, что он является горячим приверженцем возобновления дипломатических отношений Югославии с Россией. Разумеется, учитывая свое стремление к установлению дипломатических отношений с КСХС, СССР не мог пойти на выполнение этих требований. Поддерживая Радича, Москва в то же время отмечала, что крах югославского государства не является близкой перспективой [54, с. 165]. Радич только потенциально мог стать решающим фактором на Балканах. Пашич же, несмотря на потерю некоторых позиций, был абсолютно реальной силой в Королевстве СХС.

Радич, в свою очередь, раздавал щедрые обещания советским политикам, но лишь на словах. Тактика обеих сторон была очень схожей — каждый старался держать своего партнера по переговорам на крючке обещаний, которые не были занотированы. (Правда, Чичерин говорил о неких записках Радича, которые его компрометируют и могут быть использованы

против него советскими дипломатами [53, с. 13]). Радич в этот период активно искал поддержки вовне КСХС. Поэтому он на короткое время воспринял риторику, которую от него ждали, и даже заговорил о возможности революции в стране [55, с. 382]. Однако в реальной деятельности не пошел по пути

реализации своих обещаний. Как метко выразился Троцкий, Радич «на пути из зеленого Загреба счел выгодным показаться в красной Москве, чтобы усилить свои министерские и иные шансы в белом Белграде» [56, с. 151].

Лидер ХРКП, переориентировавшись с Западной Европы на Советский Союз, не собирался рвать старые связи. Особенно горячо он приветствовал приход к власти Э. Эррио во Франции, что послужило поводом для высмеивания его со стороны авторов загребского журнала «Новая Европа». Публицист И. Люпис-Вукич писал, что измышления Радича о поддержке хорватского движения Великобританией, Францией, Советской Россией и США лишены оснований, и ими он вводит в заблуждение не только себя, но и своих сторонников [57, л. 11—12, 14]. А сам главный редактор журнала писал, что письма Радича из-за границы являются классическим примером самообмана и обмана — в них занимательным образом перемешано то, что снилось лидеру ХРКП, с тем, чего бы ему хотелось [58, л. 133].

Завершение визита С. Радича в СССР и его результаты. Планируя пробыть в Москве около месяца, Радич задержался на два — со 2 июня по 4 августа 1924 г. Причиной явились трудности с получением австрийской визы. Посещения австрийского и британского посольств не принесли результатов, после чего состоялась еще одна встреча Радича с Чичериным. Нарком предложил смириться с невозможностью выехать из СССР и работать на благо советского крестьянства, но С. Радич отказался от такого варианта [26, с. 16]. Во время допроса 30 января 1925 г. хорватский политик также сообщил, что Чичерин предлагал ему также выехать в Опатию, хорватский город в Кварнерском заливе, в то время принадлежавший Италии. Там Радич мог бы находиться на родине и в то же время не подвергаться опасности ареста. Радич изложил наркому всю остроту адриатической проблемы для Хорватии и Словении, чем объяснил полную невозможность принять также и это предложение [3, с. 873]. У лидера ХРКП возникла идея ехать из Советского Союза в Венгрию. Однако в Москве не было Венгерского посольства, к тому же Радич опасался, что австрийцы откажут ему в получении даже транзитной визы. Для содействия в решении всех этих проблем было решено обратиться к немецкому посланнику в Москве У. Брокдорфу-Ранцау. Источники говорят о двух различных по настроению встречах Радича с последним. Во время первой Брокдорф был настроен весьма дружелюбно, во всем соглашался с Радичем и обещал содействие в получении визы. Но сразу после встречи с лидером ХРКП он сделал запрос в Берлин, где ему дали совершенно иные указания, что охладило его любезность [59, л. 2].

Но 24 июля в КСХС произошла очередная смена кабинета. К власти пришел лидер ДП Л. Давидович, член Оппозиционного блока. С. Радич видел в этом и свою заслугу, считая, что подобное правительство никогда не было бы образовано, если бы не его поездка в Москву [60, с. 2]. Радовались смене кабинета в КСХС и советские дипломаты. Чичерин, выступая на пленуме Моссовета, говорил, что пришедший на смену «черносотенно-погромному» правительству Пашича кабинет Давидовича является «первым шагом на пути соглашения с народами» [61, с. 434]. В новом кабинете были оставлены и четыре места для ХРКП.

Радич, наконец, получил возможность вернуться на родину. Выезжая в Вену, он был уведомлен Ауссемом, что там не будут возражать против его задержки в Вене на какое-то время [10, л. 40]. Австрийское консульство оказалось в неудобном положении: отказав две недели назад Радичу в визе, теперь оно вынуждено было ему ее предоставить [11, л. 116]. Только что отказавший в визе Брокдорф также сообщил Радичу 28 июля о том, что ему дадут транзитную визу через Берлин, если будет конечная виза [24, л. 111].

Выехав 4 августа 1924 г. из Москвы, Радич провел в Вене всего несколько дней, и уже 11 августа был в Загребе. По дороге не обошлось без происшествия с документами. Мачек,

который встретил Радича, его сына и зятя в Вене, стал свидетелем того, как лидеру ХРКП лишь чудом удалось вернуться на родину. Видимо, низкий уровень грамотности таможенника не позволил ему отличить сербскую визу от русской в паспорте Радича. Через какое-то время, уже после пересечения границы, в вагон зашел другой проверяющий и попросил снова предъявить загранпаспорт, на что бывший эмигрант заявил, что на своей земле он не обязан путешествовать с паспортом. Инцидент был исчерпан. С. Радич, не имевший надлежащих документов для въезда в страну и находящийся в розыске с 1923 г., вернулся в КСХС [62, р. 101]. Главным результатом поездки Радича в Москву стало вступление его партии в Крестинтерн. «Радичу, — как недоброжелательно отмечал Троцкий, — понадобилось по пути к министерскому портфелю оставить свою визитную карточку в Крестинтерне» [56, с. 231].

Хорватский политик уехал из Советского Союза, по сути, так ничего и не добившись. В конце пребывания С. Радич посетил Кавказ, где написал заявление «Что признает СССР, признав так называемую Югославию» [63, л. 30]. Оно проникнуто все теми же идеями о невозможности признания советским правительством Королевства СХС. В документе уже не присутствуют выражения

преданности Советскому Союзу, но перечислены преступления Белграда по отношению к несербским народам, которые СССР поддержит, признав это государство [32, с. 106]. Не было прежнего энтузиазма и в его разговоре с Брокдорфом по поводу результатов поездки. Те же мысли, по словам Сандомирского, Радич высказывал и в их ежедневных беседах. Лидер ХРКП полагал, что не смог объяснить советским дипломатам главного: ничтожности Сербии в политической жизни КСХС. Радич пребывал в постоянной уверенности, что советская сторона ведет переговоры с югославским министром иностранных дел Нинчичем. Каждое интервью министра, появлявшееся в газетах, заставляло его нервничать. Постоянно спрашивая Сандомирского о возможности таких переговоров и получая неизменные отрицания, Радич считал, что переговоры ведутся на более высоком уровне и поэтому Сандомирскому о них ничего не известно [64, л. 1].

В целом, как писал хорватский историк Ф. Чулинович, акция С. Радича по привлечению иностранных держав для решения проблем устройства югославского государства была абсолютно неуместна [65, с. 45]. Турне по Западной Европе, а, тем более, поездка в Москву не принесла ХРКП никаких реальных дивидендов, а лишь усложнила ее и без того тяжелое положение на родине. Результатом этих поисков стало перевоплощение Радича из антисоветского в просоветского политического деятеля. Несмотря на то что в Москве знали о постоянной смене концепций хорватского политика, там не смогли правильно оценить очередной поворот и с радостью пошли на контакт с Радичем.

Поддерживая оппозицию в КСХС, советская дипломатия держала бы в постоянном страхе режим Н. Пашича, могла бы оказывать на него давление и добиться результатов в своей балканской политике. Для осуществления этих планов советская сторона была готова к отношениям с идеологическими противниками, т. к. опираться на своих естественных союзников (НРПЮ и КПЮ) из-за их слабости было нецелесообразно. Кроме понимания могущества хорватской партии внутри КСХС, советские деятели, решаясь на контакт с ней, оценивали и перспективы влияния ХРКП на политические группировки других стран. Случай, неожиданно преподнесший им Радича, советские дипломаты не упустили, и после интенсивной подготовки хорватский политик прибыл в Москву.

Визит С. Радича в Москву являлся элементом «подпольной» советской политики на Балканах. В качестве базы для взаимодействия с ХРКП был избран Крестинтерн, который позиционировался как некоммунистическая международная крестьянская организация. На самом деле он не только не был некоммунистической организацией, но фактически являлся структурной частью Коминтерна. Всю подготовительную работу с Радичем осуществляли советские дипломаты из Полпредства в Австрии, часть которых была сотрудниками разведорганов, и функционеры Коминтерна, что наглядно демонстрирует дуализм советской внеш-

ней политики. Руководил процессом сам Г. В. Чичерин. Вопреки сложившемуся мнению, Крестинтерн был подключен к общению с хорватским политиком только в ходе его визита.

Несмотря на чрезвычайную важность для Крестинтерна вступления в него ХРКП, при принятии этого решения обнаружились возражения, исходящие не от МКС, а от деятелей других коммунистических организаций. В НКВД мнения также разделились. Если Г. В. Чичерин выступал за принятие ХРКП, то его заместитель М. М. Литвинов не считал это целесообразным. В Крестинтерне А. П. Смирнов, возглавлявший организацию, был за принятие в нее хорватской партии, и эта точка зрения, в конце концов, победила. Принятие ХРКП в Крестинтерн воспринималось в СССР как присоединение к международной крестьянской организации всего хорватского народа. Несмотря на это, в МКС обсуждали вступление одной отдельно взятой партии (ХРКП), именно ее программа тщательно анализировалась.

На тот момент все говорило о важности вступления ХРКП в Крестинтерн и для самой этой организации, и для Коминтерна, и для советской внешней политики в целом. Но, как уже отмечалось, советские политики недооценили политической изворотливости С. Радича. Они собирались использовать его в своих целях, при этом ничего не давая ему взамен, но не учли балканский темперамент. С. Радич приехал в Москву с вполне обозначенными, пусть и труднодостижимыми, целями. Когда же он понял, что поддержка Москвы возможна лишь на словах, то использовал в ответ ту же тактику. Не добившись в Москве ничего конкретного, Радич не собирался заниматься политической благотворительностью. Завязывая отношения с ХРКП, Чичерин и другие советские дипломаты обращали внимание не только на достоинства и недостатки этой партии, но и на личность ее лидера. По мере нахождения Радича в СССР его оценка советскими политиками менялась. Первое впечатление о нем как о человеке мягком, покладистом уступило место пониманию того, что Радича можно использовать в своих целях только при выполнении его собственных требований.

Некоторые положительные результаты советской поездки Радича имелись и для его партии. Югославское правительство опасалось вмешательства во внутренние дела даже западноевропейских государств, не говоря уже о СССР. Московский визит Радича, несомненно, способствовал переходу власти в КСХС в руки оппозиции и сделал возможным возвращение хорватского политика на родину

ЛИТЕРАТУРА

1. *Matkovic, H. Povijest Hrvatske seljačke stranke* / H. Matkovic. Zagreb : Naklada Payčić, 1999. 536 str.
2. Архив Тугославце (АЈ). Збирка 143 (Никола Пашић). Фасц. 1 — Унутрашња политика Краље-вине Србше и Крајевине Срба, Хрвата и Словенаца.
3. Stjepan Radić pod Obznanom 1925. godine. Iskazi Stjepana Radića pred sudom za zaštitu države o boravku u Moskvi 1924. g. / prired. H. Morović // *Mogućnosti* (Split). 1971. Broj 7. Str. 845—913.
4. Македонското прашаѓе во документите на Коминтерната / сост. В. Поповски, Ј. Жила. Скопје : Гурпа, 1999. Том 1. Дел 1: 1923—1925 г. СХП, 751 с.
5. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах российских архивов начала — середины 1920-х годов): в 2 ч. / Институт славяноведения РАН, Федеральная архивная служба России, РГАСПИ / Р. П. Гришина (отв. ред.). М. : Эдиториал УРСС: РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 1. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 304 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495 (Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ)). Оп. 70. Д. 188 — Доклады, письма ЦК и членов КПЮ в ИККИ о положении в Югославии.
7. *Жутић, Н.* Римокатоличка црква и хрватство. Од илирске идѣје до великохрватске реализације. 1453—1941 / Н. Жутић. Београд : Институт за савремену историју, 1997. 336 стр.
8. *Марјановић, М.* Сцепан Радич / М. Марјановић. Београд : ЈИТО-ТОТО*, 1937. 179 стр.
9. *Ревякина, Л.* Коминтернът и селските партии на Балканите: 1923—1931 / Л. Ревякина. София : Академично издателство «Проф. М. Дринов», 2003. 496 с.

10. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0144 (Референтура по Югославии). Оп. 7. П. 102. Д. 1 — Переписка по Югославии за 1924 г.
11. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 6 — Обзоры по Югославии. 1924 г.
12. *Gligorijevic, Br.* Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca / Br. Gligorijević. Beograd : Institut za savremenu istoriju, 1970. 620 str.
13. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 8 — Материалы по Югославии за 1924 г.
14. *Братиќ, М. Н.* Југословенске народне скупштине и сабори / М. Н. Брашић, Ч. Митриновић. Београд : Издање Народне Скупштине Краљевине Југославије, 1937. 429 стр.
15. *Krizman, B.* Stjepan Radić — Život — Misao — Djelo / B. Krizman // *Korespondencija Stjepana Radića: u 2 knj. / prired. B. Krizman.* Zagreb : Sveuciliste u Zagrebu: Institut za hrvatsku povijest, 1972—1973. Knj. 2: 1919—1928. 1973. S. 33—119.
16. АЈ. Ф. 323 (Давидовић Л-убомир). Сигн. 80 — *Izvrataj* (о Радичу) 1924.
17. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 6. П. 101а. Д. 4 — Переписка по Югославии за 1923 г.
18. *Романенко, С. А.* Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств / С. А. Романенко. М. : МОНФ : Изд. Центр науч. и учеб. программ, 2000. 495 с.
19. *Sadkovich, J. J.* Italian Support for the Croatian Separatism, 1927—1937 / J. J. Sadkovich. N. Y.; London : Garland Publishing, 1987. 485 p.
20. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 4 — Материалы П/отдела балканских стран за 1924 г.
21. *Сандомирский, Г.* Степан Радич и его партия / Г. Сандомирский // *Известия*. 1924. 12 июня. С. 3.
22. *Seton-Watson, H.* Eastern Europe between the Wars. 1918—1941 / H. Seton-Watson. Cambridge : University Press, 1946. 445 p.
23. РГАСПИ. Ф. 509 (Исполнительное бюро Балканской коммунистической федерации ИККИ). Оп. 1. Д. 52 — Протоколы заседаний комиссии БКФ по югославскому вопросу.
24. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 13 — Агентурные сводки по Югославии за 1924 г.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-391 (Российское телеграфное агентство (РОСТА)). Оп. 2. Д. 63 — Бюллетени входящей почтовой информации РОСТА, июнь 1924 г.
26. *Kolar-Dimitrijević, M.* Put Stjepana Radića u Moskvi i pristup Hrvatske republikanske Seljačke stranke u Seljačku internacionalu / M. Kolar-Dimitrijević // *Casopis za suvremenu povijest* (Zagreb). 1972. Godina IV. Broj 3-(10). Str. 7—29.
27. РГАСПИ. Ф. 535 (Крестянский интернационал (Крестинтерн) — Международный крестьянский совет). Оп. 2. Д. 190 — Переписка Генерального Секретариата МКС с секциями.
28. Радич за вступление в Крестьянский Интернационал // *Правда*. 1924. 24 мая. С. 2.
29. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 48 — Переписка Крестинтерна с наркоматами о национальном движении на Балканах.
30. *Korespondencija Stjepana Radića: u 2 knj. / prired. B. Krizman.* Zagreb : Sveuciliste u Zagrebu : Institut za hrvatsku povijest, 1972—1973. Knj. 2: 1919—1928. 1973. 836 str.
31. *Radić, S.* Politički spisi. Autobiografija. Clanci. Govori. Rasprave / S. Radić; prired. Zv. Kulundžić. Zagreb : Znanje, 1971. 626 str.
32. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов: в 2 ч. / Р. П. Гришина (отв. ред.). М. : Эдиториал УРСС: РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 2: Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. М., 2003. 688 с.
33. К пребыванию Ст. Радича в Москве // *Известия*. 1924. 22 июня. С. 5.
34. *Matković, H.* Svetozar Pribičević i Samostalna Demokratska Stranka do sestojanuarske diktature / H. Matković. Zagreb : Sveuciliste u Zagrebu: Institut za hrvatsku povijest, 1972. 270 str.
35. О поездке Радича // *Известия*. 1924. 18 июня. С. 4.
36. *Димов, Н.* Крестинтернът и селските партии в страните на югоизточна Европа (1923—1929) / Н. Димов. // *Studia Balcanica* (София). 1983. № 17. С. 240—254.
37. Конфискация газеты Радича // *Известия*. 1924. 26 июня. С. 5.
38. АЈ. Ф. 323. Сигн. 89 — Писмо.

39. О поездке Радича в Москву // Известия. 1924. 19 июня. С. 1.
40. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 41 — Резолюция МКС о связях с зарубежными партиями.
41. *Красный, Ю.* Международный крестьянский совет (Крестьянский Интернационал) / Ю. Красный // Коммунистический Интернационал. 1924. № 3/4. С. 163—180.
42. *Мещеряков, Н.* Основные линии работы Крестинтерна / Н. Мещеряков // Коммунистический Интернационал. 1925. № 10. С. 63—73.

43. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 40 — Об отношениях Крестинтерна с Коминтерном.
44. *Ревякина, Л. В.* Коминтерн и судьба «левых» в балканских крестьянских партиях / Л. В. Ревякина // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / Институт славяноведения РАН / редкол.: Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина (отв. редакторы). СПб., 2002. С. 98—106.
45. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 44 — Переписка МКС с Секретариатом ИККИ.
46. *Jackson, G. D.* Comintern and peasant in East Europe. 1919—1930 / G. D. Jackson. New York; London : Columbia University Press, 1966. 399 p.
47. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 189 — Переписка Генерального Секретариата МКС с секциями.
48. *Джорджевич, Б.* Коминтернът и Югославската комунистическа партия. 1919—1929 / Б. Джорджевич. София : Издателство на Българската Академия на науките, 1987. 224 с.
49. Коминтерн и идея мировой революции: Документы / ИВИ РАН, Федеральная архивная служба России, РЦХИДНИ / редкол. Я. С. Драбкин [и др.]. М. : Наука, 1998. 949 с.
50. *Троцкий, Л. Д.* Что же дальше? (VI конгрессу Коминтерна) / Л. Д. Троцкий // Л. Д. Троцкий. Коммунистический Интернационал после Ленина. (Великий организатор поражений). М. : Спартаквец : Принтима, 1993. С. 19—63.
51. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 131 — Переписка Крестинтерна с ИККИ.
52. *Vlajčić, G.* Jugoslavenska revolucija i nacionalno pitanje, (1919—1927) / G. Vlajčić. Zagreb : Globus, 1987. 552 str.
53. *Гришина, Р. П.* Балканы в планах Коминтерна (1924 год) / Р. П. Гришина // Славяноведение. 1994. № 5. С. 4—13.
54. *Muzić, I.* Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca / I. Mužić. Zagreb : Hrvatsko Knjizevno drustvo sv. Ćirila in Metoda, 1987. 344 str.
55. *Романенко, С.* Сложно с Вами, товарищ Крлежа! / С. Романенко // Крлежа М. Поездка в Россию. 1925: Путевые очерки. М. : Гелеос, 2005. С. 368—398.
56. *Троцкий, Л. Д.* Критика программы Коммунистического Интернационала / Л. Д. Троцкий // Л. Д. Троцкий. Коммунистический Интернационал после Ленина. (Великий организатор поражений). М. : Спартаквец : Принтима, 1993. С. 64—233.
57. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 579/к (Югославское издательство «Нова Европа» г. Загреб). Оп. 1. Д. 25 — Статьи о политическом и экономическом положении Югославии, собранные для помешения в журнал.
58. РГВА. Ф. 579/к. Оп. 1. Д. 67 — Nova Evropa. Кн. X. Од 1. Југа до 31. децем., 1924.
59. АВП РФ. Ф. 04 (Секретариат Г. В. Чичерина). Оп. 48. П. 296. Д. 54321 — Материалы по Югославии, 1925 г.
60. Новое правительство в Юго-Славии. (Беседа с председателем хорватского народного представительства С. Радичем) // Правда. 1924. 2 авг. С. 2.
61. Документы внешней политики СССР / МИД СССР, Комиссия по изданию дипломатических документов: А. А. Громыко (пред.) [и др.] Т. VII: 1 января — 31 декабря 1924 г. М. : Госполитиздат, 1963. 760 с.
62. *Macek, V.* In the struggle for freedom / V. Macek. New York : Robert Speller and Sons, Publishers, inc., 1957. 280 p.
63. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 14 — Хорватская республиканская крестьянская партия С. Радича.
64. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 7. П. 102. Д. 15 — Хорватская республиканская крестьянская партия С. Радича.
65. *Culinovic, F.* Nacionalno pitanje u jugoslavenskim zemljama. (Historijat njegovog razvitka) / F. Culinovic. Zagreb : Novi List, 1955. 158 str.

SUMMARY

Stjepan Radić, the founder and the leader of the Croatian Republican Peasant Party decided to visit the communist Moscow in May 1924. This article deals with his preparations for the journey and his stay in Moscow from 2nd June until 4th August 1924, as well as with the Croatian Republican Peasant Party entering the Peasant International on 1st July 1924.

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2009 г